

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Н.Б. СМИРНОВА

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В ЧУВАШИИ (1942–1949 гг.)

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 27

Н.Б. Смирнова

**ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В ЧУВАШИИ
(1942–1949 гг.)**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2018 год

Чебоксары 2019

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)
С 50

Научный редактор **Г.А. Николаев**

Смирнова Н.Б.

С 50 **Иностранные военнопленные и интернированные в Чувашии (1942–1949 гг.)** / Н.Б. Смирнова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары, 2019. – 40 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 27).

В докладе рассмотрено пребывание иностранных военнопленных и интернированных на территории Чувашии в 1942–1949 гг. Изучены размещение и численность спецконтингента, его трудовое использование, материально-бытовое положение и медицинское обслуживание.

УДК 94(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)

© Н.Б. Смирнова, 2019
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Вся история человечества сопровождалась войнами. Причинами их возникновения были политические, религиозные, экономические противоречия и т.д. Многие международные проблемы решаются с помощью вооруженных конфликтов и в настоящее время. Первые десятилетия XXI в. характеризуются значительным усложнением военно-политической обстановки в мире. В наши дни горе и лишения, вызванные вооруженными конфликтами, мы наблюдаем по активизации международного терроризма, драматическим событиям в Сирии, на Украине и во многих регионах земного шара. Боевые действия ведут к многочисленным человеческим жертвам. Неизбежной составляющей любой конфронтации является плен и перемещение населения с прифронтовых и оккупированных территорий для трудового использования. Проблема военного плена и интернирования представляет научный интерес: знание исторического опыта необходимо, особенно в современных условиях геополитической нестабильности.

Великая Отечественная война как крупный вооруженный конфликт способствовала появлению в СССР более 4 млн пленных солдат и офицеров вермахта. Кроме того, на территорию Советского Союза было депортировано, по разным оценкам, от 267 до 700 тыс. интернированных гражданских лиц¹. В отличие от военнопленных, их правовое положение не было четко закреплено в международных и внутренних нормативных актах, что осложняло положение данного контингента. Будучи мирными жителями и не являясь участниками боевых действий, они содержались в аналогичных условиях с военнопленными. Судьба многих из них оказалась трагичной. Следовательно, изучение проблемы военного плена и интернирования имеет и гуманистическое значение. Выявление мест содержания спецконтингента, поиск без вести пропавших людей и погребений погибших и умерших – один из важных вопросов в международных отношениях. Особенно острой данная проблема стала после подписания Россией межправительственных соглашений о воинских захоронениях. Родственники военнопленных и интернированных получили возможность выехать на места лагерей и кладбищ и почтить память близких, что определяет важность предоставления достоверной информации, ее востребованность. В наш адрес поступил ряд подобных запросов. Совсем недавно, в 2017 г., пришло письмо от родственни-

ков умершего в Козловском спецгоспитале № 3064 военнопленного итальянца с просьбой о помощи в поиске сведений о месте его захоронения. Формирование исторической памяти путем исследования опыта военного плена и интернирования 1940-х гг. должно способствовать укреплению гуманитарных связей и деловых контактов между народами, предупреждению роста насилия, решению многих проблем мирным путем, а также улучшению взаимоотношений воевавших государств.

Объектом нашего исследования стали военнопленные и интернированные граждане фашистской Германии и стран-сателлитов, находившиеся на территории Чувашии в 1942–1949 гг. Предмет исследования – численность военнопленных и интернированных, их размещение в учреждениях НКВД – МВД, трудовое использование, материально-бытовое положение и медицинское обслуживание. Хронологические рамки научного доклада охватывают период с августа 1942 г. по декабрь 1949 г. Нижний рубеж связан с появлением в республике первого лагеря военнопленных, верхний – с завершением репатриации и расформированием последнего учреждения МВД для содержания военнопленных и интернированных.

В настоящее время история военного плена и интернирования в отечественной историографии изучена по многим аспектам. Исследователями проделан значительный объем работы. Сформировались региональные научные центры – Волгоград, Вологда, Екатеринбург, Иркутск, Новосибирск, Чита, Ярославль, Красноярск и др. Тем не менее чувашскими историками эта тема комплексно не разработана. Прежде всего это связано с засекреченностью значительного количества материалов и затруднением доступа к документам в ведомственных архивах. Определенный фактический материал содержится в ряде публикаций².

В основу научного доклада легли неопубликованные и опубликованные документы. Это, прежде всего, материалы шести фондов двух центральных (Российского государственного военного архива и Государственного архива Российской Федерации) и тринадцати фондов трех региональных архивов (Государственного исторического архива Чувашской Республики, Государственного архива современной истории Чувашской Республики и Информационного центра МВД Чувашской Республики). Специфика проблематики наложила отпечаток на состав используемых опубликованных документов. В работе в основном применялись норма-

тивные и делопроизводственные акты Главного управления по делам военнопленных и интернированных. Кроме того, были использованы документы международно-правового характера, законодательные и нормативные акты высших органов государственной власти СССР, делопроизводственные документы, статистические сведения, материалы периодической печати, свидетельства очевидцев.

Преследуемая нами цель – комплексное изучение положения иностранных военнопленных и интернированных на территории Чувашской АССР в 1942–1949 гг. В соответствии с ней ставятся следующие задачи: проанализировать размещение спецконтингента в республике; определить его численность; изучить трудовое использование военнопленных и интернированных; проследить материально-бытовое положение и медицинское обслуживание контингента в учреждениях НКВД – МВД.

1. РАЗМЕЩЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

Первые советские лагеря для спецконтингента появились в 1939 г. На основании приказа НКВД от 19 сентября 1939 г. для обеспечения руководства ими было создано Управление по делам военнопленных и интернированных – УПВИ (с 1945 г. – Главное управление по делам военнопленных и интернированных, ГУПВИ). В его полномочия входили организация приемных пунктов и лагерей, прием и эвакуация военнопленных и интернированных, содержание, трудовое использование, проведение антифашистской работы, оперативно-разведывательная деятельность.

С началом Великой Отечественной войны лагеря были передислоцированы в глубокий тыл. Советское руководство видело в военнопленных оптимальную рабочую силу, которая могла бы восполнить дефицит трудовых ресурсов. Спецконтингент содержался не только в лагерях, но и в отдельных рабочих батальонах – подразделениях численностью примерно до 1000 чел., имевших свое руководство, обслуживающий персонал, решавших самостоятельные производственные задачи. Военнопленных и интернированных часто переводили с одного места на другое.

При создании учреждений для содержания военнопленных и интернированных учитывались многие факторы. Прежде всего, это географическое положение региона, которое должно было со-

ответствовать нескольким требованиям: достаточная отдаленность от линии фронта, наличие разветвленной транспортной сети, приемлемый ландшафт, климатические особенности. В целях же использования контингента в качестве трудовых ресурсов, потенциальных и реальных, были необходимы ресурсы природные, а также предполагаемые к возведению и обслуживанию объекты, требовавшие применения массового неквалифицированного труда.

В аспекте отдаленности от линии фронта Чувашия полностью соответствовала требуемым параметрам. Несмотря на то что тяжелая боевая обстановка 1941 г. побудила военное руководство создать Сурский и Казанский оборонительные рубежи, после победы под Москвой положение начало меняться в лучшую сторону. Стало ясно, что республика не войдет в число захваченных врагом территорий. К августу 1942 г., к моменту поступления первых военнопленных, линия фронта была заметно отодвинута на запад, и контингент оказался в глубоком советском тылу. В разные годы, в зависимости от характера военных действий, расстояние от Чувашии до линии фронта колебалось от 600 до более чем 1000 км.

Относительно транспортного развития следует отметить, что по территории Чувашии проходили Московско-Казанская железная дорога, связывавшая запад с востоком, а также дорога Алатырь – Казань, соединявшая республику с югом. Это давало возможность доставлять военнопленных как с западного театра военных действий, так и из-под Сталинграда и Северного Кавказа в лагерь и на лечение в спецгоспиталь № 3064.

Важным условием для формирования и функционирования лагерей военнопленных стало внутреннее положение республики, располагавшейся вдали от государственной границы, открытой в период военных действий. В случае побегов добраться до Германии или ее сателлитов контингенту было практически невозможно. Как правило, военнопленные задерживались в соседних республиках или погибали как в результате применения оружия охраной, так и от морозов и голода. Кроме того, благодаря соседству с Мордовской, Марийской и Татарской АССР имелась возможность довольно оперативно направлять лагерный контингент как на работы, где имел место недостаток трудовых ресурсов, так и на лечение в спецгоспитали. В частности, из Темниковского лагеря № 58, расположенного в Мордовской АССР, военнопленные перемещались в Козловский лагерь № 89 для до-

бычи камня, контингент отдельного рабочего батальона № 369, дислоцировавшегося в Алатыре, получал медицинское обслуживание в больнице № 3656, расположенной в Татарской АССР.

Одним из условий как для создания лагерей, так и для соблюдения секретности была особенность ландшафтного рельефа Чувашии – сильно пересеченная местность, осложненная оврагами. В частности, это учитывалось при открытии Козловского лагеря № 89. От станции Тюрлема в сторону лагеря можно было ехать 9,5 км, а остальные 500 м были совершенно недоступны для автомобилей и гужевого транспорта. Не удивительно, что даже местное население не было осведомлено о функционировании данного учреждения НКВД.

Большую роль при выборе территории для дислокации лагерного контингента играли и водные ресурсы. Река Волга способствовала сообщениям не только с регионами Волжского бассейна, но и с крайними западными, южными и северными районами страны. Значительную роль играла и река Сура, протекающая не только по территории Чувашии, но и в ряде районов Центральной России, в частности в Пензенской области. По этим водным магистралям имелась возможность доставлять грузы из лагерей военнопленных до мест назначения.

Определяющим условием было наличие полезных ископаемых, в частности камня и торфа. В 1940 г. в Козловском районе была проведена геологическая разведка, в результате которой выявилось наличие доломита и гравия на правом берегу Волги, ниже д. Слободка в 1,5 км от д. Казаково³. Находка запасов камня, необходимого для дорожного строительства, способствовала созданию Козловского лагеря № 89, контингент которого занимался его добычей. Главное управление шоссейных дорог НКВД СССР при выборе места для лагеря учитывало каменные месторождения как решающий фактор. Недалеко от месторождений торфа (на левобережье Волги) открылось отделение № 3 Чебоксарского лагеря № 509 и дислоцировались отдельные рабочие батальоны № 1101 и 1115.

При решении вопроса о размещении военнопленных и интернированных были учтены и запасы леса, произраставшего практически на 33 % территории республики. Древесина, необходимая для строительства, отопления, изготовления вооружений и боеприпасов, использовалась не только на территории Чувашской АССР, но и за ее пределами. Недалеко от лесных районов

расположился Алатырский лагерь № 463. На левобережье Волги функционировали рабочие батальоны № 1101 и 1115.

При учете условий социально-экономического развития, оказавших влияние на размещение лагерного контингента в Чувашии, можно выделить ряд особенностей. Во-первых, в вооруженные силы было призвано огромное количество трудоспособного населения – 208,2 тыс. чел., главным образом мужчин. Кроме того, в начальный период войны Чувашия испытывала недостаток трудовых ресурсов как среди вольнонаемных, так и заключенных. В связи с этим особенно острой стала проблема рабочих кадров. Во-вторых, в тяжелейших условиях первого военного года наша страна потеряла важнейшие промышленные районы. В-третьих, Великая Отечественная война и эвакуация способствовали повышению индустриального потенциала Чувашии. К концу 1941 г. в республику прибыли полностью или частично оборудование и материалы 28 заводов, фабрик и цехов из городов Москва, Ленинград, Кременчуг, Белая Церковь, Сумы, Вышний Волочек, Полтава, Киев. На их основе было создано 11 самостоятельных предприятий: Чебоксарский электроаппаратный завод, пять текстильных, чулочная, техноткацкая и обувная фабрики, два табачных предприятия. Это способствовало притоку военнопленных и интернированных в Чувашию.

Итак, в республике функционировали три лагеря – Козловский № 89, Чебоксарский № 509 и Алатырский № 463; четыре отдельных рабочих батальона – № 1101, 1102, 1115, 369 – и спецгоспиталь № 3064. Всего в учреждениях НКВД – МВД республики содержалось около 10 тыс. военнопленных и интернированных, представлявших 21 национальность, из них умерло более 1000 чел. По возрастному составу доминировали лица до 30 лет. Контингент военнопленных был представлен солдатами и младшими офицерами (мужчинами). Среди интернированных преобладали женщины (58 %). Для республики было характерно разновременное пребывание лагерного контингента. Первые военнопленные поступили в Чувашию еще в 1942 г., когда был создан Козловский лагерь № 89. Начиная с конца 1944 г. стали действовать вновь образованные лагеря и рабочие батальоны. Условно 1943–1944 гг. представляют собой «безлагерный» период, в течение которого в республике функционировал только спецгоспиталь № 3064. Основной функцией лагерей и рабочих батальонов было трудовое использование военнопленных и интерниро-

ванных, спецгоспиталя – медицинское обслуживание и восстановление трудоспособности контингента. Таким образом, размещение и использование военнопленных и интернированных приходится в основном на последний год войны и послевоенный период.

2. ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

В первый период войны труд спецконтингента в народном хозяйстве страны играл незначительную роль, что было связано, прежде всего, с неудачами советских войск на фронте и малым количеством попавших в плен. 8 января 1942 г. НКВД СССР направил на места циркуляр № 5 «Об использовании всех способных к труду военнопленных на работах», в результате которого увеличилось число производственных лагерей. Их контингент в основном использовался на внешних работах за пределами лагерной зоны.

В августе 1942 г. в Чувашии открылся Козловский лагерь № 89, предназначенный для использования военнопленных при добыче камня для строительства дороги Горький – Казань. Стройка имела оборонное значение, поэтому ее возведению уделялось особое внимание. По территории республики протяженность дороги насчитывала 192 км. Из-за недостаточного количества военнопленных, необходимого для выполнения работ, в тот период осуществлялась их переброска из лагеря в лагерь в зависимости от востребованности тем или иным учреждением НКВД рабочей силы. В качестве примера – история перемещений военнопленного Фрица Бангерта. 25 июля 1941 г. войсками Красной армии он был взят в плен около г. Сольцы Новгородской области. После пленения направлен для содержания в Темниковский лагерь военнопленных НКВД СССР № 58 в Мордовской АССР, куда прибыл 12 августа 1941 г. Оттуда убыл в Елабужский лагерь военнопленных № 97 Татарской АССР, а затем вновь – в Темниковский лагерь. 22 августа 1942 г. его перевели в Козловский лагерь.

17 июля 1942 г. УПВИ приняло директиву № 28/7309, в соответствии с которой руководство лагерей обязывалось проводить с помощью врачебно-трудовых комиссий (ВТК) ежемесячные медицинские осмотры военнопленных для определения степени их трудоспособности. По их итогам контингент делился на четыре группы. К первой следовало отнести практически здоровых

военнопленных или имеющих заболевания, не отражающиеся на их трудоспособности; вторую группу составляли ограниченно годные к физическому труду, имеющие хронические заболевания или физические недостатки; третью – годные только к легкому физическому труду, имеющие серьезные хронические заболевания или физические недостатки; четвертую – военнопленные-инвалиды, не годные ни к какому физическому труду, имеющие тяжелые хронические заболевания или физические недостатки. Согласно инструкции в Козловском лагере № 89 все пленные были разделены на бригады, соответствующие категориям трудоспособности. Они размещались в отдельных бараках. Во главе бригад находились военнопленные, хорошо знакомые со спецификой производства, имевшие организаторские способности. Их кандидатуры утверждались начальником лагеря, и на них возлагался персональный учет ежедневной выработки контингента. Первая и вторая категории военнопленных использовались только на работах в карьерах по добыче камня и погрузке на баржи, а также на земляных работах. Из третьей была сформирована лагерная обслуга. Во время праздников охрана была усиленной и контингент на работы не выводился.

Тем не менее в трудовом использовании обитателей лагеря имелись и нарушения. Так, 9 октября 1942 г. военнопленный Зорнов Эрвин Карл, отнесенный ВТК к третьей группе, использовался на работах в карьере, по окончании которых был доставлен в лазарет в тяжелом состоянии. По донесению начальника санитарной части участка, этот случай не был единственным. Контингент третьей группы нередко использовался на тяжелых земляных и карьерных работах⁴. В результате приказом начальника лагеря № 36 от 12 октября 1942 г. был установлен строгий контроль над правильным трудовым использованием пленных в соответствии с заключением ВТК. Военнопленных, отнесенных к третьей и четвертой группам, предписывалось использовать только на специальных работах для инвалидов, нетрудоспособные освобождались от работы. Третью группу в исключительных случаях разрешалось использовать на работах средней тяжести.

Большинство обитателей лагеря было способно только к легкому физическому труду и средней тяжести, а добыча камня и строительство дороги относились к тяжелым видам работ. По данным на осень 1942 г., к ним оказались годны 286 чел., к работам средней тяжести – 316, к легким – 324. Следовательно, к тяже-

лому физическому труду были способны менее половины контингента. Кроме того, 41 чел. из прибывших в лагерь страдали различными заболеваниями и не работали⁵. Остальной контингент был истощен и ослаблен, оказался совершенно непригодным к трудовой деятельности. Рабочий день длился 12 часов, что приводило к сильному переутомлению. Имели место проблемы с обеспечением инструментами и спецодеждой, что отрицательно влияло на здоровье военнопленных, особенно работающих в карьерах. Сказывалось и скудное питание, несоответствие количества контингента лагерному лимиту. Вместо запланированных 1,5 тыс. чел. в Козловском лагере состояли 1232 чел.

Согласно циркуляру НКВД СССР от 25 августа 1942 г., лагерному контингенту полагалось денежное довольствие. Например, 7 руб. в месяц было предназначено для рядового и младшего командного состава. Некоторые пленные выражали недовольство заработком, считая его низким. Так, обер-фельдфебель Зигфрид Идельбергер демонстративно отказался от этой суммы, требуя начисления оклада среднего офицерского состава (10 руб.). Приказом начальника лагеря № 32 от 8 октября 1942 г. он был на 10 суток помещен в карцер⁶.

Ежедневно начальники лагерных участков совместно с бригадирами и десятниками проводили производственные совещания, на которых подводились итоги выработки за истекший день и выдавалась разрядка на следующий. Лучшие бригады в целях стимулирования труда поощрялись постельными принадлежностями, теплым обмундированием и выдачей пищи в первую очередь. Отказывающихся работать без уважительной причины направляли в особый отдел НКВД.

В октябре 1942 г. по приказу начальника лагеря № 27 были организованы бригады из числа слабосильных пленных и инвалидов. Они занимались рубкой хвойных веток для изготовления настоя, сбором грибов, плодов, листьев шиповника и черной смородины, ягод рябины, клюквы, брусники и других источников витаминов с целью профилактики авитаминоза⁷. О результатах заготовок ягод, грибов и дикорастущих растений бригадиры должны были сообщать еженедельно начальнику лагеря. Кроме того, учреждение стало обеспечиваться никотиновой и соляной кислотами, пепсином и рыбьим жиром, препаратами для печени, крови. Тем не менее, физическое состояние большинства контингента не способствовало обеспечению высокой произво-

дительности труда. Поэтому в начале 1943 г. лагерь был расформирован.

30 мая 1943 г. вышел приказ наркома здравоохранения СССР Г. Митерёва на имя начальников эвакогоспиталей о привлечении выздоровевших военнопленных к работам по самообслуживанию с целью сокращения расходов на содержание лечебных учреждений для лагерного контингента. К таким работам относились заготовка дров, починка мебели, уборка больничной территории, стирка, мытье посуды, резка хлеба, работа в подсобном хозяйстве и т.д. На основании этого приказа и директивы НКВД СССР от 25 августа 1944 г. № 28/4/95 «Об упорядочении режима спецгоспиталей» руководство данных лечебных учреждений использовало выздоравливающих военнопленных в качестве рабочей силы. Не остался в стороне и Козловский спецгоспиталь № 3064, действовавший в 1943–1946 гг. В каждом его корпусе работали военнопленные врачи и санитары. Среди контингента спецгоспиталя также имелось значительное количество высококвалифицированных специалистов в других сферах деятельности: портные, монтеры, жестянщики, сапожники, парикмахеры, слесари, механики. Так, немец Рудольф Шаговец сконструировал автомобиль из двух старых и работал шофером-механиком, завозил продукты питания и дрова. Военнопленный хорошо разбирался в устройстве автомобильных двигателей, благодаря чему машина всегда находилась в рабочем состоянии. О высоком доверии к нему руководства свидетельствует отсутствие конвоя, свобода передвижения по Козловскому району. Военнопленный Михель Гербет был опытным каменщиком, Генрих Лянгольц – штукатуром и печником. Под их руководством в 1944 г. во дворе больницы бригада пациентов соорудила два фонтана, один из которых сохранился. Румынские военнопленные в основном изготавливали глиняные вазы и горшки. Некоторые военнопленные направлялись на распилку дров, заготовку картофеля, сена, овощей, фруктов, на работы в подсобном хозяйстве, занимались растопкой печей в больнице, ремонтом одежды и обуви, уборкой туалетов, выращиванием цветов. Пленные использовались и при копании могил на кладбище спецгоспиталя.

На железнодорожной станции Тюрлема располагались баракы, в которых жили выписавшиеся из больницы военнопленные, временно не отправленные в лагерь. Они использовались при погрузке на станции и на других неквалифицированных рабо-

тах. В госпитале работали и интернированные женщины. Они следили за порядком, ухаживали за комнатными растениями, шили. Одна из них использовалась в качестве переводчицы⁸.

С 1944 г. наблюдалось массовое использование труда военнопленных и интернированных в народном хозяйстве. В этот период в Чувашии был организован Чебоксарский лагерь № 118 (509). Из поступивших в апреле 1945 г. 1,9 тыс. интернированных к первой категории трудоспособности относились 540 чел. (27,4 %), ко второй – 510 (25,9 %), к третьей – 290 (14,7 %), к четвертой – 120 (6 %), на карантине находилось 155 (7,8 %), лазаретно-больных насчитывалось 248 чел. (12,6 %). Следовательно, трудовой фонд составлял 1340 чел., неспособных к работе было 523 чел. – 26,5 % контингента⁹.

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 4 июня 1945 г. «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обслуживанию лагерей для военнопленных» были четко определены наркоматы, в подчинение которым выделялись пленные для трудового использования в определенных регионах страны. В 1946 г. наркоматы (впоследствии министерства) получили новую рабочую силу, состоявшую как из военнопленных, так и из интернированных и содержавшихся как в лагерях, так и в рабочих батальонах. В Чувашской АССР лагерный и батальонный контингент был выделен следующим наркоматам (министерствам) и предприятиям, подведомственным им: Министерство электропромышленности (завод № 654), Министерство сельскохозяйственного машиностроения (завод № 811), Министерство транспортного машиностроения (Чебоксарский лесозаготовительный завод № 264), Главное управление по лесозаготовкам, лесопилению и деревообработке Министерства текстильной промышленности, Министерство местной промышленности (Чебоксарское торфяное предприятие), Министерство вкусовой промышленности (Алатырский махорочный завод), Министерство путей сообщения (Канашский вагоноремонтный завод), а также Министерство гражданского строительства (тресты «Чувашгражданстрой», «Текстильстрой» и «Алатырстрой») и обороны (Алатырский арсенал № 5). Во многих лагерях стали работать мастерские по изготовлению предметов хозяйственного обихода, кухонной посуды, инвентаря и инструментов.

Весной 1945 г. Наркомат коммунального хозяйства РСФСР намечал в Чебоксарах строительство новых объектов. Трест

«Чувашгражданстрой» планировал использовать на этих работах как гражданское население, так и военнопленных и интернированных. Около производственного объединения им. В.И. Чапаева (бывший завод № 320) военнопленными и интернированными было построено много деревянных двухэтажных домов, причем немалое их число эксплуатируется до сих пор. С участием лагерного контингента велось строительство дороги по направлению в с. Хыркасы. В Чапаевском поселке они построили баню (ул. Тенистая), жилые дома на площади Победы, клуб (в настоящее время не функционирует).

Кроме того, военнопленные и интернированные возвели ряд жилых домов в центре г. Чебоксары на пр. Ленина, ул. Текстильщиков, в районе хлопчатобумажного комбината как с участием советских граждан, так и без них. Некоторые из зданий впоследствии были снесены. На ул. К.В. Иванова с участием лагерного контингента были построены два дома: в одном из них размещались офисы, Союз художников Чувашии; второй – жилой, на первом этаже которого имелись магазины. Строили и промышленные корпуса – часть первой площадки Чебоксарского электроаппаратного завода.

В Канаше, где функционировали отделение № 2 Чебоксарского лагеря № 509 и рабочий батальон № 1102, военнопленные и интернированные использовались на вагоноремонтном заводе. Некоторые из них саботировали и отказывались трудиться. Об этом доносили администрации информаторы из числа контингента. Так, немец Вилли Мельхер, по словам источника «Лазарет», на заводе занимался саботажем и подозревался во вредительстве. Намерения об отказе работать высказывали и женщины. Например, источник «Регель» 21 февраля 1946 г. сообщал, что заключенная Эрмгард Эртман угрожала поломать сверлильный станок, на котором работала, и инструменты. По многим свидетельствам, интернированная заявляла: «Хотя меня и отправили на завод, но я им наработаю. Меня поставили на сверлильный станок, и я буду ломать инструмент», что она и делала неоднократно. Э. Эртман пользовалась особым расположением и защитой командира рабочего батальона, что, естественно, многим не нравилось. Так, 5 февраля 1946 г. источник «Шмих» сообщила: «Интернированная Эрмгард Эртман имеет тесную связь с командиром батальона майором Макушевым, ходит к нему на ночь спать... она неоднократно заявляла: “Как мне хорошо здесь живется. Если бы мастер знал,

кто мои братья, он давно бы меня выгнал»¹⁰. Очевидец П.П. Петров вспоминает, что в Канаше военнопленные мужчины работали и на овощной базе. По сведениям жителей Канаша преклонного возраста, военнопленные участвовали в возведении моста в окрестностях д. Мокры Канашского района.

По данным на 1 июня 1945 г., в Чебоксарском лагере № 509 из 1863 чел. были способны к труду 1637, что составляло 87 % контингента. Из них подлежало использованию в хозяйственных органах – 1451 (88,6 % трудового фонда), на внутрилагерных работах – 56 (3,4 %), в качестве хозяйственной obsługi – 130 чел. (7,9 %). Производительность труда составляла 64 %¹¹. Спецконтингент отработал 24,7 тыс. человеко-дней.

В сентябре 1945 г. при Заволжском торфопредприятии было открыто лагерное отделение № 3. Оно функционировало в течение месяца. Большинство контингента не выводилось на работу до 20 сентября из-за плохого физического состояния. Лишь немногие, сохранившие трудоспособность, использовались для оборудования лагерной зоны и ее подготовки к зиме. К моменту ликвидации лагеря к выполнению нормы на 50 % были способны 2912 чел., от 50 до 80 % – 473, от 80 до 100 % – 347, от 100 до 125 % – 425, от 125 до 150 % – 38, более 150 % – 57¹². В 1947 г. Козловский домостроительный комбинат планировал использовать труд 500 военнопленных. Однако данное мероприятие осуществить не удалось. Скорее всего, руководство МВД не увидело в этом особой необходимости.

Алатырский лагерь № 463 был открыт в 1946 г., контингент использовался трестом «Алатырстрой» и Алатырским махорочным заводом. Характер их трудового использования был разнообразным. Военнопленные занимались ремонтом дорог, вымостили булыжником часть дорожного покрытия по ул. Жуковского. Кроме того, они занимались строительством бараков в различных районах города (часть сохранилась до настоящего времени, другие были снесены в 1980–1990-е гг.: по улице С.М. Кирова, вдоль железной дороги). Дома имели особенность: бревна сруба складывались в стык. По свидетельству очевидца Б.С. Малясова, пленные копали канализацию по ул. Комсомольская, начиная от железнодорожного вокзала.

Лагерный контингент использовался на работах по обслуживанию железной дороги – замене рельсов и шпал. «Немцы были очень пунктуальны. Обед и ужин – невозможно было заставить

их работать выше положенного. Например, работали они до последней минуты, но, если настало время перерыва, обеда или окончания работы, заставить их завершить начатую работу было невозможно. Так, начнут заменять шпалу под рельсами, начнут подводить под них, и подходило время (у них были наручные часы либо карманные), бросали работу и ее завершение либо после перерыва или после окончания работы – только на другой день можно было завершить начатое»¹³. По воспоминаниям очевидцев, на Алатырском махорочном заводе пленные убирали мусор в цехах, грузили продукцию. Они также занимались лесозаготовками на правом берегу Суры и в Ибресинском районе. В этом принимал участие и контингент отдельного рабочего батальона № 369, содержавшийся в пос. Баевка. Лес сплавлялся по р. Бездна, впадающей в Суру. Затем древесина переправлялась через реку, грузилась в вагоны или на баржи и отправлялась по месту назначения.

Нередко руководство Алатырского лагеря использовало труд военнопленных с выгодой для себя. Так, летом 1946 г., пользуясь случаем заготовки дров для лагеря с 14-й дистанции пути Казанской железной дороги, начальник отделения № 2, майор Г.Ф. Юденков силами контингента заготовил и вывез на лагерном транспорте 40 кубометров древесины для строительства собственного дома, списав ее стоимость, затраты горючего и рабочей силы за счет заготовки дров. При раскрытии этого факта он от строительства дома отказался, однако лесоматериал присвоил и не возместил его стоимость.

По данным на декабрь 1947 г., в лагере числилось 256 чел., из них 242 были способны к работам. Следовательно, 93,8 % контингента использовалось, что свидетельствует об улучшении условий содержания военнопленных. Из них к первой группе трудоспособности относились 84 чел. (32,8 %), ко второй – 75 (29,2 %), к третьей – 80 (31,2 %) ¹⁴. Общее количество отработанных человеко-дней составляло 5,9 тыс. Валовая сумма выработки – 44,0 тыс. руб. 50 % нормы выполняли 56 чел. (21,8 %), 50–80 % – 68 (26,5 %), 80–100 % – 84 (32,8 %), 100–125 % – 34 военнопленного (13,2 %). Таким образом, большинство выполняло трудовые нормы в основном на 80–100 %.

Рота рабочего батальона № 369, дислоцировавшаяся в Алатыре при арсенале № 5, использовалась там на разных работах. Военнопленные разгружали вагоны с поступившим на ремонт оружием, переносили его с места на место. Как правило, к ремонту

они не допускались из соображений секретности: владение информацией о том, как устроено советское оружие, представляло потенциальную опасность и после войны. По свидетельству жителя пос. Первомайский Алатырского района Г.А. Махрова, военнопленные работали на лесоповале на кордоне «Богомары», в 5–7 км от 21-го километра железнодорожной ветки, недалеко от пос. Первомайский. Жилых помещений для них не было, поэтому размещались в землянках. Лес вывозился на лошадях к железнодорожной ветке, укладывался штабелями и грузился в вагоны.

Контингент подразделений № 1101 и 1115 использовался на Чебоксарском электроаппаратном заводе и Заволжском торфяном предприятии. В 1945–1946 гг. производительность труда батальона № 1101 находилась на низком уровне. Так, если в декабре 1945 г. к 1-й категории трудоспособности относились 105 чел. (19,6 %), ко 2-й – 117 (21,8 %), к 3-й – 92 (17,1 %), к 4-й – 75 (14 %), то в марте 1946 г. соответственно 44 (8,2 %), 64 (11,9 %), 114 (21,3 %), 160 (29,9 %) ¹⁵. Следовательно, к труду были пригодны менее 50 % батальонного контингента. Кроме того, возросла численность инвалидов, относящихся к четвертой группе трудоспособности. Из-за отсутствия обуви на работу выходила только половина людей.

Военнопленные и интернированные использовались на Милютинском лесозаводе, который располагался в пос. Сосновка на левобережье Волги. В основном они занимались рубкой леса, его погрузкой на баржи, распилкой дров, корчевкой. Пиломатериал, заготовленный с помощью лагерного и батальонного контингентов, направлялся для восстановления Сталинграда и Ростова, для жилищного строительства в Москву.

По данным на январь 1947 г., общая численность трудового фонда отдельных рабочих батальонов составляла 426 чел. Из них к первой группе трудоспособности относились 188 чел. (44,1 %), ко второй – 153 (35,9 %), к третьей – 83 чел. (19,4 %). Следовательно, к трудовому использованию оказались годны почти 80 %. Этому способствовало улучшение положения с продовольствием в стране. В составе контингента находились 15 офицеров, которые не привлекались к работам. Норму выработки до 50 % выполняли 75 чел. (17,6 %), 50–80 % – 108 (25,3 %), 80–100 % – 91 (21,3 %), 100–125 % – 47 (11 %), 125–150 % – 14 чел. (3,2 %) Средний показатель производительности труда составлял 85 %. Военнопленные и интернированные отработали 9,6 тыс. человеко-дней.

В феврале 1947 г. в составе рабочих батальонов числилось 679 чел. Из них в трудовом фонде насчитывалось 69,5 % контингента. На предприятиях хозяйственных органов было занято 420 чел., на внутрिलाгерных работах – 8, в хозяйственной службе батальонов – 16 чел. Еще 28 чел. находились на лечении. Кроме того, на карантине и в оздоровительных командах числилось 207 чел., или 30,4 %. Контингент отработал 10,06 тыс. человеко-дней. Валовая сумма выработки составила 79 тыс. руб. К первой группе трудоспособности относились 23 %, ко второй – 45,5 %, к третьей – 31,3 %. Норму выработки до 50 % выполняли 114 чел., 50–80 % – 89, 80–100 % – 144, 100–125 % – 50, 125–150 % – 12, более 150 % – 11 чел. Средний показатель производительности труда составил 76,5 %¹⁶.

По данным на апрель 1947 г., общая численность трудового фонда рабочих батальонов составляла 542 чел. Из них к первой группе трудоспособности относились 18,8 %, ко второй – 35,4 %, к третьей – 29,7 %. Еще 85 чел., или 15,6 % контингента, находились на лечении. Нормы выработки до 50 % могли выполнять 72 чел., 50–80 % – 284, 80–100 % – 112, 100–125 % – 36, 125–150 % – 10 чел. Средний показатель производительности труда составлял 72,5 %. Военнопленные и интернированные отработали 13,2 тыс. человеко-дней. Валовая сумма выработки составила 112 тыс. руб.

С 1948 г. спецконтингент использовался в основном при добыче торфа. К 7 ноября 1948 г. трудовой план был выполнен на 109 %. В феврале 1949 г. были установлены повышенные нормы выдачи хлеба, а за высокие показатели полагалось дополнительное горячее блюдо. В результате за февраль 1949 г. нормы были перевыполнены на 115 %. В марте 1949 г. был зафиксирован рекорд по добыче торфа – 155,1 %. К 1 мая 1949 г. апрельский трудовой план был выполнен батальонным контингентом на 139 %. Большинство военнопленных и интернированных в 1948 г. вернулось на родину, но контингент отдельного рабочего батальона № 1115 продолжал использоваться Заволжским торфопредприятием. Он был снят с работ только осенью 1949 г. и репатриирован.

Как известно, в результате эвакуации оборудования и специалистов в восточные районы возникло несколько новых индустриальных центров. Чувашскую АССР к их числу относить, конечно, неправомерно. Однако нельзя не констатировать: она вошла в войну аграрной республикой, а вышла в ином статусе – аграрно-индустриальной. Впереди ожидали перспективы промыш-

ленного развития, под которые была подведена солидная производственная база. Было бы некорректно отрицать, что вклад в эту реальность был внесен и трудом военнопленных и интернированных. Восполнив потенциал мужской части трудовых ресурсов, в массе призванных на фронт, и выполняя в основном неквалифицированные работы, они способствовали наращиванию экономического потенциала республики. Благодаря использованию труда спецконтингента в определенной мере были возмещены убытки, нанесенные войной, как в стране, так и в республике. Вклад этой категории лиц в реализацию первого послевоенного пятилетнего плана СССР составлял от 4 до 8 %¹⁷.

Производительность труда военнопленных и интернированных не находилась на одном уровне и была зависима как от характера военных действий на фронте, так и от продовольственного снабжения и медицинского обслуживания спецконтингента. Начальный период войны характеризуется малой эффективностью его трудового использования. Многие лагеря, сформированные в это время, были впоследствии ликвидированы из-за недостаточного лимита и тяжелого физического состояния большинства контингента, нерентабельности содержания. Ситуация изменилась на последнем этапе войны и в послевоенный период. Благодаря увеличению численности военнопленных и поступлению интернированных производительность труда возросла. Несмотря на ее некоторый спад в 1946 г. ввиду продовольственного кризиса в стране, к 1947 г. ситуация изменилась в лучшую сторону. Многие военнопленные и интернированные могли выполнять более 100 % нормы. Определенную роль сыграла и такая мотивация, как окончание войны: высокая производительность труда давала надежду на более скорую репатриацию.

3. МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

В августе 1942 г. на территории Чувашии был открыт первый лагерь для военнопленных – № 89. Он предназначался для военнопленных рядового и младшего командного состава. Начальником был назначен старший лейтенант государственной безопасности А.Ф. Кий. Первые военнопленные поступили в лагерь 21 августа 1942 г., последние – 5 октября 1942 г. По структуре он делился на участки, сформированные на базе исправительно-

трудовых колоний. Участок № 1 был организован 13 августа 1942 г. и находился в 5 км восточнее, на правом берегу р. Волга вниз по течению. Недалеко от лагерного участка располагалась деревня Курочкино. Участок был огражден колючей проволокой высотой 2 м в 2 кола, 14 ниток, расстояние между кольями составляло 1 м. Кроме того, запретная зона внутри была загорожена проволокой высотой 1,3 м в 6 ниток и рассчитана на пребывание 800 чел. Он охранялся шестью войсковыми постами, из которых четыре суточных и два ночных. Помещения для контингента состояли из двух деревянных барачков со сплошными трехъярусными нарами и пяти палаток, кроме того, там находилась кухня, рассчитанная на приготовление пищи для 200 чел. С южной стороны участок примыкал к обрыву, который тянулся к берегу Волги, в 10–15 м от воды¹⁸. Начальником этого участка был техник-интендант 1-го ранга А.И. Малкин.

Участок № 2 располагался в 8 км от Козловки, на берегу Волги, и был рассчитан на пребывание 400 чел., состоял из трех палаток, одного барака, подсобных помещений¹⁹. На каждом участке имелась баня. Остальной контингент предполагалось разместить на участке № 3, принадлежавшем Козловскому карьерному управлению. Скорее всего, это не было осуществлено, так как в документах он больше не упоминается. Участок № 2 возглавлял лейтенант государственной безопасности Н.И. Херсонский. Управление лагеря и центральные базы снабжения ввиду отсутствия помещений находились в Козловке.

По национальному составу в лагере преобладали немцы, но содержались также венгры, румыны, австрийцы, поляки и финны. Характеризуя бытовые условия, следует отметить слабую организацию отопления. Кроме того, бараки требовали капитального ремонта и утепления на зимний период. Питание контингента не соответствовало нормам, горячая пища почти не выдавалась, в основном – 500 г хлеба. В связи с этим от контингента поступали многочисленные жалобы на невозможность работать.

Распорядок дня лагеря № 89 выглядел следующим образом: подъем в 5 часов утра, туалет и личная гигиена – в 5–5.15, санитарный осмотр – в 5.15–5.30, проверка и развод на работы – в 6.30–7, рабочее время – с 7 до 13, обед – с 13 до 14, рабочее время – с 14 до 20. С 21.30 до 22.30 с военнопленными проводилась культмассовая и политическая работа (чтение книг, газет, беседы на антифашистские темы), с 22.30 – вечерний туалет и

личное время, отбой – в 23 часа²⁰. В октябре 1942 г. в связи с быстрым наступлением темноты режим был изменен: рабочий день сократился на 1 час.

Из-за усиленной охраны и особенностей географического положения лагеря контактов с местным населением у военнопленных практически не было.

Тяжелые условия лагерной жизни не могли не сказаться на здоровье и отразиться в динамике развития заболеваемости и смертности среди контингента. Военнопленные страдали от истощения, пеллагры (разновидность авитаминоза, которая является следствием длительного неполноценного питания) и других болезней. А.Ф. Кий в докладной записке начальнику УПВИ НКВД СССР П.К. Сопруненко писал, что «среди военнопленных много симулянтов»²¹. О том, какие это были «симулянты», видно из следующей статистики: с сентября по ноябрь 1942 г. в контингенте умирали почти ежедневно. В октябре смертность усилилась – умирали по 3–4 чел. в день. Всего за время существования лагеря умерли более 100 пленных, или 10 % контингента. Из них – 96 немцев, 13 румын, 1 венгр, 1 финн, 5 австрийцев, 1 поляк²². Местонахождение захоронений не установлено. Из документов известно лишь то, что каждый участок имел свое кладбище.

В лагере часто имели место случаи несоблюдения режима. Так, несмотря на указания и инструкции А.Ф. Кия, допускались нарушения распорядка: не соблюдался пропускной режим, внутри лагеря была слабо организована охрана, отсутствовали списки военнопленных по баракам²³. Пленные перемещались в другие бараки, что было категорически запрещено. Ответственные за порядок в бараке военнопленные не исполняли в должной мере своих обязанностей, вследствие чего случались кражи вещей друг у друга.

Утренние и вечерние поверки сильно затягивались, иногда совершенно не проводились. Редко устраивались внезапные осмотры контингента с целью изъятия запрещенных к хранению предметов, предписанные инструкцией. Помещения охраны и личного состава не были отгорожены от общей зоны. Кроме того, в лагере имели место случаи физического воздействия конвоиров на пленных. По приказу начальника лагеря № 0044 от 20 октября 1942 г. был усилен контроль над дисциплиной и соблюдением инструкций. Для учета контингента завели картотеку с указанием номера барака, корпуса размещения, были изготовлены и вывешены опечатанные ящики для жалоб военнопленных. Утренние и

вечерние проверки стали проводиться более организованно – в теплую погоду на улице, в холодную – в бараках.

Согласно приказу А.Ф. Кия № 67 от 6 ноября 1942 г. «О нормах питания больных» пища стала выдаваться 3 раза в сутки в горячем виде. Больным, страдающим пеллагрой, питание полагалось 4–5 раз в день мелкими порциями, пекарские дрожжи по 60–80 г. Контингент был разграничен по видам положенного пайка. В связи с недостаточным количеством круп (манки и риса) их выдавали только остро нуждающимся больным²⁴.

В конце октября 1942 г., согласно телеграфному распоряжению УПВИ № 28/11321 и приказу А.Ф. Кия № 52 «О формировании и отправке эшелонов военнопленных» часть обитателей лагеря была этапирована двумя эшелонами в другие учреждения НКВД. В конце ноября 1942 г. закрылся участок № 2. Официальным распоряжением № 28/13635 от 12 декабря 1942 г. лагерь № 89 должен был расформироваться, а его имущество и личный состав передаваться Елабужскому лагерю²⁵. Основными причинами послужили недостаточное количество военнопленных, поступление которых прекратилось с 5 октября, бытовая неустроенность, низкая трудоспособность и, следовательно, слабая производительность труда. Дальнейшее содержание лагеря оказалось нерентабельным. Подобное положение сложилось и у ряда других учреждений НКВД, сформированных до Сталинградской битвы. 17 декабря 1942 г. была создана ликвидационная комиссия. Она занималась работой по передаче имущества Елабужскому лагерю, распределением оставшегося контингента. Процесс ликвидации лагеря планировали завершить к январю 1943 г., но фактически он продолжал функционировать до марта 1943 г.

Таким образом, анализ функционирования Козловского лагеря № 89 показывает, что первая попытка размещения и использования захваченного контингента на территории Чувашской АССР оказалась не совсем удачной. Как трудовой ресурс пленные не оправдали себя вследствие вышеназванных обстоятельств.

Начиная с 1943 г., по мере развития успехов Красной армии на советско-германском фронте, приток захваченных в плен солдат и офицеров противника увеличился. Повсеместно открывались новые лагеря для военнопленных, эта волна коснулась и Чувашской АССР. В конце 1944 г. и в 1946 г. соответственно были созданы два лагеря – Чебоксарский № 118 (с марта 1945 г. № 509) и Алатырский № 463.

Чебоксарский лагерь № 118 организован на основании приказа НКВД СССР № 001458 от 2 декабря 1944 г. и рассчитан на пребывание 2000 военнопленных в двух отделениях. Отделение № 1 располагалось в 7 км от г. Чебоксары, на территории завода № 320, а отделение № 2 – в 2 км от Канаша на территории вагоноремонтного завода²⁶. В каждом из них планировалось разместить по 1000 чел.

Согласно приказу НКВД СССР № 00221 от 15 марта 1945 г. Чебоксарский лагерь был переформирован в спецлагерь для содержания интернированных группы «Б» и получил номер 509. Вместе с ними содержались и военнопленные. Начальник учреждения полковник В.У. Савенко на посту продержался недолго. В мае 1945 г. он был отстранен от должности за систематическое пьянство и игнорирование указаний руководства НКВД и заменен подполковником госбезопасности Д.Т. Зариным, бывшим заместителем начальника спецотдела НКВД Чувашской АССР. Летом 1945 г., на основании приказа № 196 от 4 июля наркома внутренних дел Чувашской АССР С.Е. Белолипецкого, лагерь возглавил майор административной службы Г.Ф. Юденков, ранее ответственный за охрану и режим. За достаточно недолгий срок в лагере сменились три начальника, что стало характерной особенностью деятельности этого учреждения.

Национальный состав военнопленных был достаточно пестрым: немцы, румыны, венгры, поляки, итальянцы, чехи. Интернированными группы «Б» были немцы из гражданских лиц, арестованные на территории Германии и отправленные в СССР. Согласно приказу НКВД № 00101 от 22 февраля 1945 г., в эту группу входили: члены различных нацистских организаций, руководители областных, уездных дум, управ, бургомистры, руководители различных хозяйственных и административных организаций, редакторы газет и журналов, авторы антисоветских изданий, переодетые в гражданскую одежду солдаты вермахта и «прочий враждебный элемент». В Чебоксарах эта группа в основном была представлена выходцами из Восточной Пруссии. Кроме того, в лагере № 509 находились арестованные на бывших оккупированных территориях (в частности, на Украине, в Белоруссии, Латвии, Литве, Эстонии) по подозрению в измене Родине. Контингент интернированных поступил в Чебоксары 9 апреля 1945 г. в количестве 1968 чел. Из них в отделение № 1 было направлено 1111 женщин, в отделение № 2 – 857 мужчин. На 1 августа 1945 г. в нем насчитывалось 950 чел.

Лагерное отделение № 1 размещалось около проходной завода № 320 и состояло из нескольких бараков. На территорию предприятия контингент не допускался. Имели место бытовая неустойчивость, пониженные нормы питания. Отсутствовали постельные принадлежности, нормальная одежда, обувь. Службы снабжения игнорировали свои обязанности. Так, за слабое обеспечение контингента лагеря матрацами технику-интенданту 1-го ранга Г.Ф. Брюшкову был объявлен выговор²⁷.

Лагерное отделение № 2 располагалось в г. Канаш, на ул. Чкалова, состояло из двух бараков (двухэтажных) и одного небольшого блока (кубовой). Начальник – капитан Ф.Л. Горбунов. Военнопленные и интернированные содержались под охраной, строем выходили на работы под конвоем. Питание было недостаточным для поддержания их физического состояния. Вследствие этого многие обитатели лагеря искали на помойках картофельные очистки, обменивали свои вещи на продукты.

Бытовые условия в жилых помещениях не соответствовали нормам, как, впрочем, и в отделении № 1. Одежда и обувь на деревянной подошве не подходили по сезону, несмотря на то, что в лагере имелись столярная, портняжная, сапожная мастерские, предназначенные для обслуживания контингента. Они обслуживали личный состав и не выполняли прямых обязанностей. Имели место случаи грубого обращения с контингентом, неуважения их человеческого достоинства. Военнопленные и интернированные страдали от простудных заболеваний, истощения, цинги, сыпного тифа из-за сильной завшивленности помещений, где больные содержались вместе со здоровыми. Многие местные жители сочувствовали обитателям лагеря, стремились передать им еду, что не всегда удавалось. В результате практически ежедневно в бараках умирало по 1–2 чел. Всего в лагерном отделении № 2 умерло 313 чел., из них 77 женщин²⁸. Это составляло 32 % контингента. В лагере имели место случаи злоупотребления охраной служебным положением, хищения имущества, предназначенного для контингента.

В сентябре 1945 г. было открыто лагерное отделение № 3 на левом берегу Волги при торфопредприятии. Контингент отделения составили 297 чел.²⁹ Оно просуществовало ровно месяц: по приказу НКВД № 001283 от 27 октября 1945 г. было закрыто. За короткий срок пребывания в отделении № 3 умерло 38 чел., или 12,7 % контингента – 8 поляков, 5 румын, 3 русских, 2 украин-

ца, 2 итальянца, 4 венгра, 6 чехов, 4 белоруса, 2 латыша, 2 литовца³⁰. Кроме того, в отделении умерло 27 военнопленных: 7 обер-ефрейторов, 10 солдат, 5 унтер-офицеров, 5 ефрейторов.

В конце 1945 г., согласно приказу НКВД СССР № 001086 лагерь № 509 был ликвидирован, а бараки снесены в конце 1960-х гг. Захоронения контингента находились в районе Чапаевского поселка Чебоксар, на левобережье Волги и в Канаше.

Алатырский лагерь № 463 был сформирован на основании приказа заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника В.В. Чернышева № 00469 от 22 мая 1946 г. Функционировал при тресте «Алатырстрой», подведомственном Министерству жилищно-гражданского строительства РСФСР³¹. Начальником был назначен старший лейтенант Пучков. Кроме того, в лагере действовало отделение № 2, которое возглавлял майор Г.Ф. Юденков, бывший начальник Чебоксарского лагеря № 509. Лагерь был рассчитан на содержание 800 чел. и предназначался для военнопленных рядового и младшего командного состава. Как и в других учреждениях НКВД – МВД, контингент размещался в бараках. В отношении бытовых условий следует назвать недостаточное отопление, кроме того, бараки требовали капитального ремонта и утепления на зимний период, питание контингента также не соответствовало нормам. Военнопленные сами заготавливали дрова. По национальному составу преобладали немцы. Многие военнопленные в период возникновения лагеря были обросшими, ходили в грязных и рваных гимнастерках (в форме, в которой попали в плен) и фуфайках. Некоторые носили поношенное красноармейское обмундирование. Что касается обуви, то в качестве нее в основном использовались самодельные башмаки на деревянной подошве и сапоги, а в зимний период – валенки.

Отношение местного населения к обитателям лагеря было неоднозначным. Так, очевидец Ю.С. Малясов вспоминает, что многие жители города ненавидели их, кричали вслед: «Фашисты!», бросали камни. Тем не менее, общение с горожанами у пленных происходило. Они, например, изготавливали из дерева игрушки и обменивали их на табак и продукты.

Алатырский краевед Н.П. Головченко отмечал сочувствие к пленным со стороны женщин. Они часто передавали обитателям лагеря небольшие куски хлеба, овощи или фрукты, в основном яблоки. Из-за усиленной охраны гражданские лица не могли подойти к пленным на расстояние более 2–2,5 м, поэтому продукты

кидали в центр толпы идущих немцев. В первое время женщины это делали сами, затем стали поручать детям, которые, выполнив задание, сразу убегали. Между пленными возникали ссоры из-за еды, иногда драки, что неудивительно. В 1946 г. в связи с тяжелой экономической ситуацией значительно уменьшились нормы питания. Однако по сравнению с другими лагерями смертность была не очень высокой. Так, в лагерном отделении № 2 с 8 июля 1946 г. по 26 декабря 1947 г. умер 31 чел., что составляло 4 % всего контингента. Они были похоронены на Алатырском городском кладбище.

В лагере имели место случаи злоупотреблений и недостойного поведения личного состава, как руководства, так и охраны. Так, начальник отделения № 2 майор Г.Ф. Юденков незаконно выдавал личному составу лагеря продукты и хозяйственное мыло, предназначенные для военнопленных. В результате он был арестован на 10 суток.

По приказу МВД СССР № 0013 от 8 января 1947 г. Алатырский лагерь подлежал расформированию, а содержащийся в нем контингент – репатриации. Однако это не было осуществлено, учреждение продолжало действовать и пополняться новыми обитателями. Так, в марте 1947 г. из Чебоксарского отдельного рабочего батальона № 1115 в отделение № 2 поступило 12 немцев³². На 30 сентября 1947 г. в нем содержались 424 чел., в декабре 1947 г., к моменту закрытия, в лагере находилось 256 обитателей³³.

Отдельные рабочие батальоны № 1101 и 1102 образовались практически одновременно – осенью 1945 г., при ликвидации Чебоксарского лагеря № 509. В первом изначально насчитывалось 535 чел., во втором – 490. В дальнейшем численность контингента подразделений постоянно менялась, наблюдалась его большая текучесть.

Рабочий батальон № 1101 состоял из двух рот. Первая из них располагалась при заводе № 654, вторая – на Заволжском торфопредприятии. Первая рота находилась в подчинении Наркомату электропромышленности, а вторая – Наркомату местной промышленности. Большинство контингента составляли женщины. По национальному составу преобладали немцы, имелись также поляки и русские. Командиром батальона был назначен старший лейтенант Н.И. Фролов, ранее возглавлявший отделение № 3 Чебоксарского лагеря № 509. Бытовые условия были очень тяжелыми. Бараки вовремя не подготовили к зиме, окна не утеплили, внутри

помещений температура была настолько низкой, что замерзала вода. Вследствие этого контингент не менял одежду, постоянно находился в ватных телогрейках и брюках. В бараках имелись двухъярусные нары, но постельные принадлежности отсутствовали, за исключением матрацев. Бани и дезкамеры работали с перебоями из-за отсутствия дров, у контингента не было возможности стирать одежду, так как не имелось прачечных. Белье не стиралось и не менялось, не было возможности даже умыться, так как умывальники отсутствовали. По названным причинам и из-за чрезмерной скученности у 80 % контингента был выявлен педикулез³⁴. Кроме того, в батальоне не было сушилок, в связи с чем контингент оставался даже на ночь в мокрой одежде, что приводило к росту простудных заболеваний и смертности. Интернированные не обеспечивались теплой одеждой, обувью, ходили в ботинках на деревянных подошвах или в лаптях, без теплых чулок, носков или портянок. В результате в ноябре – декабре 1945 г. был зафиксирован ряд случаев обморожений конечностей.

В подразделении не были оборудованы пищеблоki, отсутствовала столовая, а кухня не отвечала санитарным требованиям, пища готовилась из недоброкачественных продуктов, часто без жира и мяса. В конце ноября – начале декабря 1945 г. при торфопредприятии в течение двух недель контингент ежедневно питался лишь соленой рыбой и картофелем. Бесперывное употребление рыбы (до трех раз в день) и после нее воды вызывало значительное количество отеков. В зону батальона пища обычно доставлялась в холодном виде, контингент принимал ее на сквозняке и холоде, под крышей, но без окон и дверей, в лучшем случае в бараках. Имелся недостаток кухонной и столовой посуды.

По данным на апрель 1946 г., на торфопредприятии на 382 чел. имелось 150 пар обуви, в весеннюю распутицу негодной к носке. Не выдавалось нательное белье, интернированные спали на голых досках, так как имеющиеся матрацы пришли в негодность, а новые не доставлялись, условия приема пищи не изменились. Кроме того, уменьшились нормы питания: если раньше выдавалось 1 кг картофеля и 800 г хлеба на 1 чел., то в апреле 1946 г. – 500 г картофеля и 600 г хлеба. Контингент не обеспечивался сахаром и приправами, что прежде всего объяснялось трудностями с продовольствием в СССР. В результате значительно возросли дистрофия и, как следствие, неработоспособность и смертность. На основании проверки, проведенной в 1946 г., МВД Чу-

вашской АССР пришло к выводу, что контингент при торфопредприятии обречен на полный вывод из строя. В связи с этим подразделение было решено передислоцировать на завод № 320. Всего в батальоне умерло 135 чел., что составило 25 % контингента. Они похоронены в Заволжье, в районе Пихтулинской дачи Чебоксарского лесхоза, в 1,5 км восточнее от батальонной зоны. На основании приказа № 0028 заместителя министра внутренних дел СССР В.В. Чернышева от 12 января 1948 г. рабочий батальон № 1101 был расформирован.

Отдельный рабочий батальон № 1102 располагался на Канашском вагоноремонтном заводе и подчинялся Наркомату путей сообщения. Командиром был назначен майор Макушев. По данным на осень 1945 г., из ликвидированного лагеря № 509 туда прибыло 490 чел., в том числе 87 мужчин³⁵. В марте 1946 г. из закрывшегося спецгоспиталя № 3064 в подразделение поступил еще 101 чел. По национальному составу в основном преобладали немцы, а также имелись румыны, эстонцы, русские, поляки, литовцы и молдаване. Бытовые условия в основном не отличались от батальона № 1101: в бараках не было матрацев, военнопленные и интернированные спали на голых досках, больные находились вместе со здоровыми. Большинство спецконтингента страдало от педикулёза. По данным на декабрь 1945 г., завшивленность составляла 50 %, что вызвало в январе 1946 г. вспышку сыпного тифа на заводе. Как и на торфопредприятии, в Канаше отсутствовали сушилки, новая одежда не выдавалась, случались перебои с доставкой обуви, особенно зимней, контингент батальона питался в основном мерзлыми картофелем и капустой, прием пищи осуществлялся на сквозняке, в неутепленных помещениях, не хватало посуды. Кроме того, была большая скученность в жилых помещениях. В результате возросла смертность. Так, в ноябре 1945 г. умерло 9 чел., в январе 1946 г. – 14, в апреле – 7, в мае – 8, в основном женщины. Всего в батальоне умерло 87 чел., или 18 % контингента. Их хоронили в 70 м от южной стороны железнодорожного тупика Канашского вагоноремонтного завода, в 400 м от территории предприятия в юго-западном направлении. Тем не менее, некоторые интернированные женщины пользовались привилегиями благодаря особому отношению к ним работников завода. Так, в информационном центре МВД Чувашской Республики имеются компрометирующие материалы на 18-летнюю Клару Матт. Источник «Регель» приводит ее высказывание:

«Я работаю в кузнечном цехе вагоноремонтного завода, там работает русский мастер, который приносит мне продукты, белый хлеб, картофель, пироги и водку, кормит меня, водку мы с ним выпиваем вдвоем...»³⁶

В мае 1946 г. часть интернированных была отправлена на родину (85 немцев и 2 поляка), в июне – 16 эстонцев, в августе – 4 эстонца и 1 литовец. В сентябре 1946 г. репатриировали военнопленных-румын, выдав им новую форму румынской армии, затем 92 немца³⁷. Контингент продолжал еще поступать. Так, летом 1946 г. он насчитывал 66 мужчин и 335 женщин. Из Чебоксарского рабочего батальона № 1101 прибыли 2 эстонца. В августе сотрудниками МВД были задержаны 3 молдаванина и доставлены в подразделение. В сентябре 1946 г. поступила немка из Чебоксар³⁸. В 1947 г. Канашинский вагоноремонтный завод отказался от дальнейшего трудового использования контингента батальона и он был расформирован. Часть контингента была репатриирована, некоторые выбыли в Чебоксары в рабочие батальоны № 1101 и 1115. Одна больная женщина отказалась уехать на родину и долгое время жила в Канаше у приютившей ее горожанки³⁹.

Отдельный рабочий батальон № 369 был сформирован в декабре 1945 г. и располагался в г. Алатырь. Находился в подчинении Наркомату вооружений СССР. Первоначально он насчитывал 446 чел. и был прикреплен к арсеналу № 5 для использования на разных работах. Кроме того, рота данного батальона дислоцировалась в пос. Митькино (Краснооктябрьский) Медведевского района Марийской АССР. Управление подразделением находилось в Чувашии. Командиром был старший лейтенант Касаткин. Рабочий батальон состоял только из военнопленных. По национальному составу преобладали немцы. Кроме них, в подразделении находились венгры, чехи, голландцы, французы и поляки. Условия жизни контингента оставляли желать лучшего. Как и в других учреждениях НКВД, военнопленные жили в бараках, находившихся, по воспоминаниям жителей г. Алатырь, на ул. Б. Хмельницкого недалеко от арсенала. Питание не соответствовало законодательным нормам, вследствие чего контингент подвергался заболеваемости и наблюдался рост смертности. Так, в январе 1946 г. умерло 5 чел., в феврале – 13, в марте – 10, в августе – 10 военнопленных⁴⁰. В 1947 г. за первые три месяца умерло 11 чел. Затем благодаря улучшению питания смертность удалось снизить: в месяц умирали по 2–3 чел. Всего за время существования под-

разделения умерли 94 немца, или 21 % контингента. Умирали в основном от истощения, дизентерии и других заболеваний. Захоронение контингента № 1 находилось на Алатырском городском кладбище и в 200 м южнее его. Кладбище № 2 рабочего батальона располагалось в 1 км к востоку от пос. Баевка Алатырского района, на левом берегу р. Бездна, в лесу, в 40 м от технической плотины сплавной конторы.

В 1946 г. началась репатриация батальонного контингента. Прежде всего ей подлежали военнопленные, не являвшиеся этническими немцами. Так, 16 апреля 1946 г. были отправлены на родину 8 чел. Из них – 5 чехов, 1 француз, 1 голландец, 1 поляк⁴¹. Летом 1946 г. начали репатриировать и немцев. 10 августа 1946 г. из батальона отправили на родину 60 чел., в этот же день вместе с ними – 10 чел. из Алатырского лагеря № 463. Среди отправленных: ефрейторов – 12, фельдфебелей – 5, унтер-офицеров – 11, штабс-ефрейторов – 3, обер-ефрейторов – 33, солдат – 8⁴². В июне 1947 г. на родину было отправлено 80 чел.

По данным на 1 октября 1947 г., в батальоне насчитывалось 200 чел. Из них 177 были переведены в лагерь № 260 (Донбасс), 1 – в распоряжение МВД Чувашской АССР. К ноябрю, таким образом, осталось 22 чел. В конце 1947 г. отдельный рабочий батальон № 369 был ликвидирован.

Отдельный рабочий батальон № 1115, самый поздний по времени организации, действовал дольше всех остальных (до 1949 г.). Он был сформирован в 1946 г. на основании приказа № 00539 заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника В.В. Чернышева. В зависимости от места дислокации рот находился в подчинении Министерству электропромышленности, также сельскохозяйственного машиностроения и местной промышленности. Контингент составили немцы, выделенные из рабочего батальона № 1101, и ряд выздоровевших пациентов, выписанных из спецгоспиталя № 3064⁴³. До января 1948 г. он был прикреплен к заводу № 654. С января 1948 г., в связи с объединением с рабочим батальоном № 1101, был разделен на две зоны. Первая находилась при заводе № 654, вторая – на Заволжском торфопредприятии. В октябре 1948 г. две зоны слились в одну и контингент полностью перебазировался на торфопредприятие. Ответственность за его содержание и использование нес командир батальона старший лейтенант И.Е. Голуб.

Военнопленные и интернированные жили в бараках, охраняемых вахтерской службой, при заводе № 320 и на левобережье Волги. Внутренний распорядок устанавливался в соответствии с режимом лагерей для военнопленных. Контингент ходил в ватных брюках, фуфайках и носил обувь на деревянной подошве. В жилых помещениях наблюдались бытовая неустроенность, антисанитария. В результате среди обитателей барачных помещений имели место вспышки инфекционных болезней. Так, в октябре 1948 г. в батальоне было выявлено 13 случаев заболевания чесоткой⁴⁴. Так как со стороны фельдшера не были своевременно приняты меры по борьбе с инфекцией в виде изоляции больных, недуг распространился среди контингента. В результате медицинский работник был арестован на трое суток, а в начале 1949 г. уволен как не справившийся с обязанностями. В апреле 1949 г. многие заключенные заболели куриной слепотой, в июне – глазными болезнями. Первоначально смертность контингента была высокой. С июня 1946 по январь 1948 г. умерло всего 30 чел., или 11,6 %⁴⁵. Они были похоронены в Заволжье и недалеко от завода им. В.И. Чапаева в Чебоксарах. С течением времени смертность понизилась, а после полной передислокации батальона на торфопредприятие была полностью ликвидирована. По данным на 1 января 1948 г., в подразделении находилось 258 чел.⁴⁶

Среди контингента активно проводилась антифашистская работа. В октябре 1948 г. из лагеря № 371 Татарской АССР поступили газеты и журналы: «Большевик», «Военный вестник», «Партийная жизнь», «Новое время», «Пропагандист и агитатор», «Военная мысль», а также радиоприемник, фотоаппарат и кларнет⁴⁷. Кроме того, военнопленным и интернированным демонстрировались кинофильмы, среди них проводилась разъяснительная работа о преимуществах социалистического строя. В частности, велись беседы на темы: «Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии», «О положении трудящихся масс в оккупированных Германией странах» и др.

Что касается отношений с местным населением, следует отметить особую роль совместного труда, способствовавшего установлению дружеского общения. По информации краеведа В.А. Сенчихина, жительница Заволжья М. встречалась с венгерским военнопленным, но остаться в Чувашии и жениться ему не удалось. В принципе, подобный финал ожидал большинство лагерных «романов», так как близкие отношения пресекались сотрудниками НКВД – МВД.

В сентябре 1949 г. на основании приказа МВД Чувашской АССР № 00770 отдельный рабочий батальон № 1115 начал формироваться. 29 сентября оставшийся контингент сняли с работ, а в начале октября 1949 г. отправили на родину.

Советское руководство в постановлениях и приказах неоднократно подчеркивало стремление к сохранению и восстановлению здоровья военнопленных и интернированных, надеясь использовать их в качестве рабочей силы. Поэтому медицинскому обслуживанию данной категории лиц уделялось особое внимание. От организации лечебного процесса в спецгоспиталях как основных базах квалифицированной медицинской помощи напрямую зависели производительность и эффективность труда военнопленных и интернированных.

В начальный период Великой Отечественной войны в СССР подобных медицинских учреждений почти не имелось. По данным на 1942 г., в стране действовали два госпиталя для лечения военнопленных – № 1035 и 3747 – в Чкаловской и Курганской областях соответственно. В декабре 1942 г. по ходатайству НКВД СССР для этой цели было выделено еще 11 спецгоспиталей. Тем не менее подавляющее большинство солдат и офицеров вермахта лечилось в лагерных санитарных частях, оздоровительных командах и лазаретах. Так, в Козловском лагере № 89, функционировавшем в 1942–1943 гг., действовал лечебный стационар. Однако санитарные части слабо выполняли функции по лечению контингента. Во исполнение распоряжения УПВИ № 28/12182 в ноябре 1942 г. на базе Беловолжской школы были организованы лазарет и оздоровительная команда при нем с целью восстановления физического здоровья и возвращения трудоспособности ослабевшим, истощенным и перенесшим тяжелые заболевания военнопленным. В оздоровительную команду они направлялись по решению врачебно-трудовой комиссии на срок от 10 до 20 суток, в тяжелых случаях – до 30 суток⁴⁸. Контингент снабжался постельными принадлежностями и получал больничное питание. Как правило, получающие лечение не привлекались к физическим работам. Лазарет обеспечивал довольно приемлемые условия содержания пациентов. Через сельсовет были арендованы помещения для бани и прачечной, выделены две лошади. Начальником был назначен военный врач 3-го ранга В.В. Мальвинский. В штат входило 27 работников.

В 1943 г. количество ослабленных, истощенных и больных военнопленных резко возросло и возникла потребность в созда-

нии новых спецгоспиталей в тыловых регионах страны. Именно в этот период в Чувашии начал функционировать спецгоспиталь № 3064. Он располагался в с. Беловолжское близ г. Козловка, в 4 км от железнодорожной станции Тюрлема и 1,5 км от Волжской пристани. Его начальником был назначен бывший нарком здравоохранения Чувашской АССР Н.С. Соколов. Учитывая специфику контингента, госпиталь был задуман по лагерному типу – с военной охраной, четырьмя вышками и забором высотой 3,5 м. Сверху и внутри ограждения имелась колючая проволока в 5 рядов. С юго-восточной стороны больницы располагались ворота и проходная. Охрану военнопленных осуществляла воинская часть № 106 конвойных войск НКВД.

География доставки пленных была довольно широкой. Их привозили из лагерей, расположенных на территории Марийской, Удмуртской, Мордовской (Темниковский лагерь № 58) и Татарской АССР (в частности, из Елабужского лагеря № 97), Московской области. Национальный состав пациентов был представлен немцами, итальянцами, венграми, румынами, французами, австрийцами, поляками, русинами, чехами и др. В основном они поступали в больницу с дистрофией, сыпным и брюшным тифом, дизентерией, дифтерией. Из воспоминаний бывшего врача спецгоспиталя З.Г. Карповой: «В госпитале была нарная система, больница была маленькая, а народу много. Дрова для них готовили летом сотрудники госпиталя, включая женщин. Несмотря на более или менее нормальное отопление, итальянцы страдали от холода, климат был непривычный для них – привыкли на юге-то жить. Мы работали с 8 утра до 7 вечера. Отпуска не было. Витамины пленным давали. Государству нужна была рабочая сила, поэтому так усиленно заботились об их здоровье. Сначала электричества не было, его дали позже. Пленные всё умели делать, была сапожная мастерская. Кормили их хорошо, желудки у них здоровые были. В первых блюдах они ели только жидкость, а из оставшегося делали бутерброды. Очень требовательными были офицеры. Они лежали в отдельной палате и часто беспокоили начальника, говорили: “Дайте нам прогулку, питание получше, работу, книги, газеты, а то нам скучно!” Их потом быстро увезли в офицерские лагеря. Сотрудники друг к другу по именам не обращались, а только по званиям. Следили за нами особисты, ничего личного с пленными не позволяли... Я же от них бежала из Белоруссии, а тут пришлось их лечить!»

Врачами больницы использовались многообразные методы лечения, доступные в то время. Особое внимание уделялось организации полноценного питания и созданию здорового морально-психологического климата. В результате в Козловском спецгоспитале № 3064 удалось вернуть здоровье 80 % пациентов. Всего в учреждение поступило 3278 больных военнопленных, было выписано по выздоровлению 2586, умерло 692 чел.⁴⁹ Это составило 20 % от общего числа пациентов. В сентябре 1945 г. в госпиталь поступило 100 больных интернированных из отделения № 2 Чебоксарского лагеря № 509, в октябре 1945 г. – еще 142. Из них умерло 3. Они были похоронены в юго-западной части Беловолжского кладбища г. Козловка.

На основании приказа Наркомздрава СССР № 1036 от 1 декабря 1945 г. 31 марта 1946 г. спецгоспиталь был закрыт, а его имущество передано Беловолжской больнице.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Чувашия вошла в число территорий, где сформировалась совокупность учреждений НКВД – МВД для содержания военнопленных и интернированных. Особенностью республики явилось разновременное пребывание в ней спецконтингента.

Нами установлено, что советское руководство принимало решение о размещении военнопленных и интернированных в Чувашии с учетом ее места в едином народнохозяйственном комплексе страны, а также ряда военно-стратегических, природно-климатических, географических и социально-экономических факторов.

Проведенный анализ документов показал, что пик деятельности учреждений для содержания военнопленных и интернированных на территории республики пришелся на конец войны и первые послевоенные годы. Это было связано с крупными успехами Красной армии на советско-германском фронте и, следовательно, захватом в плен большого числа вражеских солдат и офицеров. Важную роль сыграла и депортация в 1945 г. интернированных.

Относительно труда данного контингента лиц следует отметить, что по степени эффективности и производительности труда можно выделить два периода – до и после Сталинградской битвы. В течение первого этапа наблюдался низкий процент продуктивности: выработка составляла менее 50 %. В связи с тяжелой

военной обстановкой и экономическими проблемами, недостаточностью лагерного лимита, слабым физическим состоянием людей использование их труда имело малое значение. Ситуация нормализовалась в последующий период. Советским руководством планировалось использовать обитателей лагерей в качестве трудовых ресурсов наиболее интенсивно в целях реализации масштабных задач по развитию экономики. Прежде всего, был налажен контроль за физическим состоянием военнопленных и интернированных, который возлагался на врачебно-трудовые комиссии.

Военнопленные и интернированные трудились на объектах 10 наркоматов союзного и союзно-республиканского подчинения. Основные сферы их деятельности – лесозаготовки, строительные работы, добыча торфа, труд на промышленных предприятиях. В послевоенный период военнопленные и интернированные относились к производственной деятельности более заинтересованно, желая приблизить час своего освобождения. Следовательно, сыграла определенную роль и мотивация – окончание войны и высокие производственные показатели давали надежду на более скорую репатриацию. Эффективность труда возросла и за счет увеличения численности спецконтингента. Благодаря использованию труда военнопленных и интернированных была частично разрешена проблема дефицита рабочих кадров, их деятельностью был внесен определенный вклад в развитие экономики республики.

В настоящем докладе освещены материально-бытовое положение военнопленных и интернированных, их отношения с сотрудниками лагерей и местным населением. Проведенное исследование показало, что условия жизни спецконтингента были в основном неудовлетворительными. Важную роль играл и человеческий фактор – руководство лагерей и отдельных рабочих батальонов. В одних учреждениях НКВД – МВД условия содержания были лучше, в других хуже. Тем не менее, следует отметить, что делалось все возможное в целях снижения смертности и создания приемлемых условий содержания военнопленных и интернированных. Администрацией пресекалось грубое обращение с контингентом, виновные наказывались. Однако по отношению к военнопленным и интернированным применялись и меры репрессивного характера. Лица, обвиненные в различных преступлениях, приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Взаимоотношения военнопленных и интернированных с местным населением и лагерным персоналом складывались в основ-

ном мирные. Жители республики зачастую видели в этих людях не захватчиков и оккупантов, а несчастных, попавших в тяжелую жизненную ситуацию. Имели место и лагерные «романы».

Заболевшие военнопленные и интернированные отправлялись на лечение в санитарные части, в лазареты, в оздоровительные команды и в спецгоспиталь № 3064. Большинство из них удалось вылечить и впоследствии репатриировать.

По мнению удмуртского исследователя Д.В. Перевощикова, советские лагеря имеют много общего с зарубежными подобными учреждениями. Так, он выделяет нехватку жилых помещений в пунктах содержания обезоруженных солдат вермахта⁵⁰. Кроме того, на наш взгляд, прослеживаются такие сходные черты, как недостаточное обеспечение контингента продуктами питания, использование его труда на объектах промышленности и в восстановлении инфраструктуры.

Итак, обращение к историческому опыту демонстрирует, что военный плен и интернирование – негативные явления, печальное следствие вооруженных конфликтов. Пленение противника – вынужденная мера, направленная на недопущение его возвращения в строй и дальнейшего участия в боевых действиях. Военнопленный уже не является врагом и находится в руках противоположной стороны лишь на определенное время. Жестокость и насилие по отношению к данным лицам должны пресекаться. Воюющим государствам необходимо руководствоваться принципами гуманизма не только по отношению к поверженному неприятелю, но и к перемещенным гражданским лицам, уважать их человеческое достоинство.

Источники и литература

¹ *Смехнов Р.Ю.* Интернированные немцы на территории Украинской ССР (1944–1950): размещение, трудовое использование, лагерная жизнь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. С. 3.

² *Клементьев В.Н.* Козловка: исторический очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 239 с.; *Ксенофонтов Г.Н.* Эвакогоспиталь для военнопленных № 3064. Чебоксары: Новое время, 2008. 84 с.; *Алексеев Г.А.* Военно-санитарная служба в Чувашии. Чебоксары: ГОУ ДПО ИУВ, 2011. 312 с.; *Малясова Н.Б.* Практика доносительства среди интернированных отдельного рабочего батальона № 1102, функционировавшего на Канашском вагоноремонтном заводе // Вестник Чувашияского университета. 2011. № 2. С. 79–81; *Ее же.* Побег военнопленных и интернированных на территории Чувашской АССР // Архивы и наука: теория и практика взаимодействия: Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции (архивных чтений), Чебоксары, 26 октября 2011 г. Чебоксары: Новое время, 2011. С. 144–147; *Ее же.* Функционирование Козловского лагеря военнопленных № 89 (1942 г.) // Отечественная история XX–XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории: памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Петровича Смирнова. Чебоксары: Перфектум, 2012. С. 299–304; *Ее же.* Организация и функционирование отдельного рабочего батальона военнопленных и интернированных № 1115 в 1946–1949 годах // Вестник Чувашияского университета. 2012. № 1. С. 41–43; *Смирнова Н.Б.* Отдельный рабочий батальон военнопленных № 369 (г. Алатырь) // Научные исследования: от теории к практике: Материалы IX Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 10 июля 2016 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. С. 31–32 и др.

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1913. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

⁴ Информационный центр МВД Чувашской Республики (ИЦ МВД ЧР). Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 6в. Д. 10. Л. 254.

⁶ ИЦ МВД ЧР. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

⁷ Там же. Л. 37.

⁸ *Ксенофонтов Г.Н.* Указ. соч. С. 39.

⁹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 3и. Д. 73. Л. 13.

¹⁰ ИЦ МВД. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 об. –3.

¹¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 3и. Д. 73. Л. 31.

¹² Там же. Л. 290.

¹³ Письмо Головченко Николая Петровича, 1958 г.р., краеведа, жителя г. Алатырь.

¹⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 5и. Д. 6. Л. 37–38.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 16. Д. 1. Л. 93.

¹⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 5и. Д. 6. Л. 5–6.

¹⁷ *Сидоров С.Г.* Труд военнопленных в СССР, 1939–1956. Волгоград, 2001. С. 36.

- ¹⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6в. Д. 10. Л. 247.
- ¹⁹ Там же. Л. 254.
- ²⁰ ИЦ МВД ЧР. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.
- ²¹ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6в. Д. 10. Л. 254.
- ²² Там же. Оп. 04е. Д. 5.
- ²³ ИЦ МВД ЧР. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
- ²⁴ Там же. Л. 94.
- ²⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 3г. Д. 1. Л. 351.
- ²⁶ Там же. Л. 185 об.
- ²⁷ ИЦ МВД ЧР. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
- ²⁸ *Петров Н.* Немцы в Канаше: продолжение грустной истории // *Позиция-экспресс.* 1997. 18–24 августа.
- ²⁹ РГВА. Ф. 490п. Оп. 4. Д. 2.
- ³⁰ Там же. Ф. 1п. Оп. 04е. Д. 40. Л. 118–123.
- ³¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 198. Л. 93.
- ³² РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 681. Л. 155.
- ³³ Там же. Оп. 5и. Д. 6. Л. 37.
- ³⁴ ГИА ЧР. Ф. 203. Оп. 16. Д. 1. Л. 2.
- ³⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 680. Л. 74–85.
- ³⁶ ИЦ МВД ЧР. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
- ³⁷ *Сидоров Ю.* Много их в Канаше, немецких могил // *Позиция-экспресс.* 2006. 9–15 октября.
- ³⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 680. Л. 104.
- ³⁹ *Петров Н.* Немцы в Канаше: продолжение грустной истории.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 1п. Оп. 04е. Д. 72. Л. 227.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 576. Л. 13.
- ⁴² Там же. Л. 18.
- ⁴³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 198. Л. 173.
- ⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. 1344. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 1п. Оп. 04е. Д. 58. Л. 54.
- ⁴⁶ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 259. Л. 77.
- ⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. 1344. Оп. 3. Д. 24. Л. 9.
- ⁴⁸ ИЦ МВД ЧР. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.
- ⁴⁹ *Ксенофонтов Г.Н.* Указ. соч. С. 44.
- ⁵⁰ *Перевозчиков Д.В.* Строительная и производственная деятельность иностранных военнопленных в Ижевске в 1945–1948 годах // *Вестник Пермского университета.* 2016. № 1 (32). С. 135.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Размещение и численность военнопленных и интернированных на территории Чувашии	5
2. Трудовое использование	9
3. Материально-бытовое положение и медицинское обслуживание	19
Заключение	34
Источники и литература	37

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 27

СМИРНОВА Наталья Борисовна

Иностранные военнопленные
и интернированные в Чувашии
(1942–1949 гг.)

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2018 год

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Вёрстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 09.01.2019. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 2,13.
Заказ № 1. Тираж 100 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства молодежной политики и образования Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1